

Издательство
АСТ

МАРК
ТВЕН

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ТОМА СОЙЕРА

РОМАН

Художник
В. Челак

Издательство
АСТ

Издательство
АСТ

МАРК
ТВЕН

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ТОМА СОЙЕРА

Роман

Москва
Издательство АСТ
2024

УДК 821.111(73)-3
ББК 84(7Сое)-44
Т26

Серийное оформление и дизайн обложки *А. Фереза*
Рисунок на обложке и иллюстрации *В. Челака*
Перевод с английского *Н. Дарузес*

Твен, Марк.
Т26 Приключения Тома Сойера : [роман] / М. Твен ;
[пер. с англ. Н. Дарузес]. — Москва : Издательство
АСТ, 2024. — 318, [2] с. : ил.

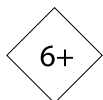
ISBN 978-5-17-108140-9 (Школьное чтение)

ISBN 978-5-17-108138-6 (Классика для школьников)

Том Сойер — лучший друг всех смелых и находчивых мальчишек и девчонок вот уже более ста лет. Этот роман о приключениях веселого мальчишки из Америки стал классикой мировой литературы и входит в список книг, которые должен прочитать каждый школьник.

УДК 821.111(73)-3
ББК 84(7Сое)-44

ЕАС

© Дарузес Н.Л., перевод, 2023
© Челака В.Г., ил., 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Глава первая

— Том!

Ответа нет.

— Том!

Ответа нет.

— Удивительно, куда мог деваться этот мальчишка! Том, где ты?

Ответа нет.

Тетя Полли спустила очки на нос и оглядела комнату поверх очков, затем подняла их на лоб и оглядела комнату из-под очков. Она очень редко, почти никогда не глядела сквозь очки на такую мелочь, как мальчишка; это были парадные очки, ее гордость, приобретенные для красоты, а не для пользы, и что-нибудь разглядеть сквозь них ей было так же трудно, как сквозь пару печных заслонок. На минуту она растерялась, потом сказала — не очень громко, но так, что мебель в комнате могла ее слышать:

— Ну погоди, дай только до тебя добраться...

Не договорив, она нагнулась и стала тыкать щеткой под кровать, переводя дыхание после каждого тычка. Она не извлекла оттуда ничего, кроме кошки.

— Что за ребенок, в жизни такого не видывала!

Подойдя к открытой настежь двери, она остановилась на пороге и обвела взглядом свой огород — грядки помидоров, заросшие дурманом. Тома не было и здесь. Тогда, возвысив голос, чтобы ее было слышно как можно дальше, она крикнула:

— То-о-ом, где ты?

За ее спиной послышался легкий шорох, и она оглянулась — как раз вовремя, чтобы ухватить за помочи мальчишку, пока он не прошмыгнул в дверь.

— Ну, так и есть! Я и позабыла про чулан. Ты что там делал?

— Ничего.

— Ничего? Посмотри, в чем у тебя руки. И рот тоже. Это что такое?

— Не знаю, тетя.

— А я знаю. Это варенье — вот что это такое! Сорок раз я тебе говорила: не смей трогать варенье — выдеру! Поддай сюда розгу.

Розга засвистела в воздухе, — казалось, что беды не миновать.

— Ой, тетя, что это у вас за спиной?!

Тетя обернулась, подхватив юбки, чтобы уберечь себя от опасности. Мальчишка в один миг перемахнул через высокий забор и был таков.

Тетя Полли в первую минуту опешила, а потом добродушно рассмеялась:

— Вот и поди с ним! Неужели я так ничему и не выучусь? Мало ли он со мной выкидывает фокусов? Пора бы, кажется, поузнать. Но нет хуже дурака, как старый дурак. Недаром говорится: «Старую собаку не выучишь новым фокусам». Но ведь, господи ты боже мой, он каждый день что-нибудь придумает, где же тут угадать. И как будто знает, сколько времени можно меня изводить; знает, что стоит ему меня рассмешить или хоть на минуту сбить с толку, у меня уж и руки опускаются, я даже шлепнуть его не могу. Не выполняю я своего долга, что греха таить! Ведь сказано в Писании: кто щадит младенца, тот губит его. Ничего хорошего из этого не выйдет, грех один. Он сущий чертенок, я знаю, но ведь он, бедняжка, сын моей покойной сестры, у меня как-то духу не хватает наказывать его. Потакать ему — совесть замучит, а накажешь — сердце разрывается. Недаром ведь сказано в Писании: век человеческий краток и полон скорбей; и я думаю, что это правда. Нынче он отлынивает от школы; придется мне завтра наказать его — засажу за работу. Жалко заставлять мальчика работать, когда у всех детей праздник, но работать ему всего тяжелей, а мне надо исполнить свой долг перед ним, иначе я погублю ребенка.

Том не пошел в школу и отлично провел время. Он еле успел вернуться домой, чтобы до ужина помочь негритенку Джиму напилить на завтра дров и наколоть щепок для растопки.

Во всяком случае, он успел рассказать Джиму о своих похождениях, пока тот сделал три четверти работы. Младший (или, скорее, сводный) брат Тома, Сид, уже сделал все, что ему полагалось (он подбирал и носил щепки): это был послушный мальчик, не склонный к шалостям и проказам.

Покуда Том ужинал, при всяком удобном случае таская из сахарницы куски сахара, тетя Полли задавала ему разные каверзные вопросы, очень хитрые и мудреные, — ей хотелось поймать Тома врасплох, чтобы он проговорился. Как и многие простодушные люди, она считала себя большим дипломатом, способным на самые тонкие и таинственные уловки, и полагала, что все ее невинные хитрости — чудо изворотливости и лукавства. Она спросила:

— Том, в школе было не очень жарко?

— Нет, тетя.

— А может быть, очень жарко?

— Да, тетя.

— Что ж, неужели тебе не захотелось выкупаться, Том?

У Тома душа ушла в пятки — он почувал что-то недоброе. Он недоверчиво посмотрел в лицо тете Полли, но ничего особенного не увидел и потому сказал:

— Нет, тетя, не очень.

Она протянула руку и, пощупав рубашку Тома, сказала:

— Да, пожалуй, ты нисколько не вспотел. — Ей приятно было думать, что она сумела прове-

ритель, сухая ли у Тома рубашка, так, что никто не понял, к чему она клонит.

Однако Том сразу почувствовал, куда ветер дует, и предупредил следующий ход:

— У нас в школе мальчишки обливали голову из колодца. У меня она и сейчас еще мокрая, поглядите!

Тетя Полли очень огорчилась, что упустила из виду такую важную улику. Но тут же вдохновилась опять.

— Том, ведь тебе не надо было распаривать воротник, чтобы окатить голову, верно? Расстегни куртку!

Лицо Тома просияло. Он распахнул куртку — воротник был крепко зашит.

— А ну тебя! Убирайся вон! Я, признаться, думала, что ты сбежишь с уроков купаться. Так и быть, на этот раз я тебя прощаю. Не так ты плох, как кажешься.

Она и огорчилась, что пронизательность обманула ее на этот раз, и радовалась, что Том хоть случайно вел себя хорошо.

Тут вмешался Сид:

— Мне показалось, будто вы зашили ему воротник белой ниткой, а теперь у него черная.

— Ну да, я зашивала белой! Том!

Но Том не стал дожидаться продолжения. Выбегая за дверь, он крикнул:

— Я это тебе припомню, Сидди!

В укромном месте Том осмотрел две толстые иголки, вколотые в отвороты его куртки и

обмотанные ниткой: в одну иголку была вдета белая нитка, в другую — черная.

— Она бы ничего не заметила, если бы не Сид. Вот черт! То она зашивает белой ниткой, то черной. Хоть бы одно что-нибудь, а то никак не уследишь. Ну и отлуплю же я Сида. Будет помнить!

Том не был самым примерным мальчиком в городе, зато очень хорошо знал самого примерного мальчика — и терпеть его не мог.

Через две минуты, и даже меньше, он забыл про все свои несчастья. Не потому, что эти несчастья были не так тяжелы и горьки, как несчастья взрослого человека, но потому, что новый, более сильный интерес вытеснил их и изгнал на время из его души, — совершенно так же, как взрослые забывают в волнении свое горе, начиная какое-нибудь новое дело. Такой новинкой была особенная манера свистеть, которую он только что перенял у одного негра, и теперь ему хотелось поупражняться в этом искусстве без помехи.

Это была совсем особенная птичья трель — нечто вроде заливистого щебета; и для того чтобы она получилась, надо было то и дело дотрагиваться до нёба языком, — читатель, верно, помнит, как это делается, если был когда-нибудь мальчишкой. Приложив к делу старание и терпение, Том скоро приобрел необходимую сноровку и зашагал по улице еще быстрее, — на устах его звучала музыка, а душа преиспол-

нилась благодарности. Он чувствовал себя, как астроном, открывший новую планету, — и без сомнения, если говорить о сильной, глубокой, ничем не омраченной радости, все преимущества были на стороне мальчика, а не астронома.

Летние вечера тянутся долго. Было еще совсем светло. Вдруг Том перестал свистеть. Перед ним стоял незнакомый мальчик чуть побольше его самого. Приезжий какого угодно возраста и пола был редкостью в захудалом маленьком городишке Сент-Питерсберге. А этот мальчишка был еще и хорошо одет, — подумать только, хорошо одет в будний день! Просто удивительно. На нем была совсем новая франтовская шляпа и нарядная суконная куртка, застегнутая на все пуговицы, и такие же новые штаны. Он был в башмаках — это в пятницу-то! Даже галстук у него имелся — из какой-то пестрой ленты. И вообще вид у него был столичный, чего Том никак не мог стерпеть. Чем дольше Том смотрел на это блистающее чудо, тем выше он задира л нос перед франтом-чужаком и тем более жалким казался ему его собственный костюм. Оба мальчика молчали. Если двигался один, то двигался и другой — но только боком, по кругу; они все время стояли лицом к лицу, не сводя глаз друг с друга. Наконец Том сказал:

— Хочешь, поколочу?

— Ну-ка, попробуй! Где тебе!

— Сказал, что поколочу, значит, могу.

— А вот и не можешь.

- Могу.
 - Не можешь!
 - Могу.
 - Не можешь!
- Тягостное молчание. После чего Том начал:
- Как тебя зовут?
 - Не твое дело.
 - Захочу, так будет мое.
 - Ну так чего ж не дерешься?
 - Поговори еще у меня, получишь.
 - И поговорю, и поговорю — вот тебе.
 - Подумаешь, какой выискался! Да я захочу, так одной левой рукой тебя побью.
 - Ну, так чего ж не бьешь? Только разговариваешь.
 - Будешь дурака валять — и побью.
 - Ну да — видали мы таких.
 - Ишь вырядился! Подумаешь, какой важный! Еще в шляпе!
 - Возьми да сбей, если не понравилась. Попробуй сбей — тогда узнаешь.
 - Врешь!
 - Сам врешь!
 - Где уж тебе драться, не посмеешь.
 - Да ну тебя!
 - Поговори еще у меня, я тебе голову кирпичом проломлю!
 - Как же, так и проломил!
 - И проломлю.
 - А сам стоишь? Разговаривать только мастер. Чего ж не дерешься? Боишься, значит?